

ВЕРА ПЛАТОНОВА

МАРИЙОН

ВДОВА ТОРГОВЦА РЫБОЙ

Вера Платонова

Марийон, вдова торговца рыбой

«Автор»

2024

Платонова В.

Марийон, вдова торговца рыбой / В. Платонова — «Автор», 2024

У Марийон славный домик на пересечении Яблоневой улицы и Якорного переулочка, она живет своим трудом и не верит в сказки. Марийон боится мышей и не связывается с аристократами, ведь она им все равно не пара. Марийон выращивает цветы в палисаднике и закрывает двери на несколько замков. И еще она вдова в двадцать четыре. Марийон не верит в магию, но магия верит в нее: она уже отыскала ее и готова перевернуть привычную жизнь девушки с ног на голову, а заодно и встряхнуть заскучавший городок у моря. Роман вошёл в шорт-лист конкурса "Магия текста" на Литрес!

© Платонова В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Одним хорошим днем в Дивске	5
Глава 2. Никаких аристократов. Никакой рыбы. Никаких мышей!	11
Глава 3. Дневные купания в речке Чернушке	19
Глава 4. Маленькая паучья лапка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вера Платонова

Марийон, вдова торговца рыбой

Глава 1. Одним хорошим днем в Дивске

– Один, два, три, четыре, пять... – Марийон отсчитала копейки и положила на прилавок. – Больше не дам. Красная цена всей твоей селедке – рупь пятнадцать. Я уже дала на десять копеек больше.

Мужичок в красной куртке давно сдался, но для виду продолжал торговаться. Шмыгая покрасневшим от холода носом, он быстро возражал:

– Ты моего лосося селедкой-то не обижай. Сама с ночи в лодку сядь, да снасти подготовь, да просиди на ветру и мокроте-то... я-то посмотрю на тебя, селедку. Как будешь отдавать за бесценнок, за копейки свои сраные? Сама селедка ты. Покойничек Теодор меня в чести держал, всегда самую лучшую цену платил, самую высокую. Вот ты, значит, как его память чтить. Друзей обижаешь закадычных евоных. Да чтоб ты подавилася своими копеечками десятью.

Марийон цыкнула языком, как принято было цыкать на своих партнеров по торгу на рынке Дивска. В памяти пронеслось, как покойный Теодор, приходя домой, приговаривал:

– Смотри, Марийка, сдохну я. Жить тебе надо будет как-то. Пойдешь за мой прилавок. Первым тебе рыбу принесет долговязый Фрол. Он не наглый, цену не ломит, а рыба у него всегда крупная и свежая, у него бери форелей, окуней, красноперку, да все бери. Этот нормальный. Сильно не жмись. Ему без жены тяжело, детей малых четыре штуки по лавкам, и то девки.

Вторым обычно заходит Цугенок. С ним ухо остро. Далеко выходить он ленится, рыбу ловит как попало, никакой методы не стыдится. С ним разговор короткий. Повыбирай что получше, да по цене не балуй.

Затем может Гардо притти. Он большой специалист по гадам морским, угрям да устрицам. У него деликатесы все бери, цена соответственная. Да и ты задерешь ее местным дамочкам. Особо если видишь, как служанки из Богатого квартала идут с утра закупаться к обедам, сразу соображай. – Тут он постучал длинным пальцем по лысому лбу. Марийон, в тот момент занятая чисткой медного котелка до блеска, слушала вполуха. И думала о том, до чего же нудный у нее старик, хоть и безобидный. Да еще о том, что на ярмарку нужно выбратся и, хотя б новые сережки, да кое-что из одежды прикупить.

Цугенок тем временем замолчал и смотрел на задумавшуюся Марийон, выжидая реакции.

Та махнула рукой, мол, ступай и радуйся, что хоть так.

Он развернулся и, пришмыгивая, заявил:

– Красивая ты баба! Тока злющая и дурная. Не то б женился.

Марийон театрально закатила глаза.

– А то мне без твоей женитьбы и не выжить. Сплю и вижу, как приедешь ты ко мне в золоченой карете с предложением руки и сердца! Король Леопольд Пятнадцатый, не иначе!

За мясным прилавком захохотала Миленка, уперев руки в аппетитные бока:

– Куда ты ей красноносый сдался, Марийка у нас красotka, да еще и не беднячка какая, дело имеет свое!

– От красотки слышу! – вернула Марийон подруге похвалу, и та сразу заулыбалась.

После Цугенка заходили мальчишки с озерными раками и окуньками. Окуньков немного Марийон тоже принимала, на них были свои покупатели. Каждый день заходила Старая Роза с Маркизом в плетеной корзине. Маркизом звался упитанный котьяра черно-белой джентльменской расцветки, это был главный компаньон Розы во всех делах. А дома их ждали то ли

двадцать, а по некоторым рассказам, и целых сорок кошачьих морд, требовавших свое рыбное лакомство.

Иногда еще к причалам Дивска швартовались промысловые лодки, идущие с севера, приносящие рыбу северных рек и Холодного моря. И тогда товар Марийон пополнялся жирными сигадами, чирами, северными омулями, тайменями. Для такого дела она заранее запасала в погребе лед, который приходилось покупать у местного холодильщика втридорога.

Но уже больше месяца северных тралов было не видать на горизонте, и Марийон прикидывала, не разумнее ли было засолить парочку оставшихся сигов, или пытаться продлить их свежесть подсыпанием льда.

Покупателей еще не было. Женщина принялась потрошить цугенковских лососей, чтоб продать их подороже ленивым служаночкам Богатого квартала или зажиточным дамам, которые хоть и не имеют прислуги, но и не настолько бедны, чтобы пачкать руки о рыбу требуху.

Сентябрьское солнышко поднялось повыше и ощутимо пригрело, при этом освежающий ветер с моря не менее ощутимо пробрал до костей. Марийон надела легкий платок на голову, чтоб не напекло, и тут же запахнула шаль покрепче, чтоб не простудиться.

Из двадцати четырех своих лет один год она уже прожила вдовой, самостоятельно. И, черт возьми, это был не самый ужасный год. Она была вполне хороша собой, имела свой уютный домик на пересечении Яблоневоу улицы и Якорного переулкa, зарабатывала на жизнь честным трудом и ни перед кем не склоняла головы. Если не считать того, как однажды по рынку проезжал сам брат короля с большоу свитой, и всем велено было наклонить головы. И то больше никогда никто из королевскоу семьи в Дивске не бывал.

Вокруг прилавкa закрутились самые преданные Марийонкины поклонники – местные бездомные коты. Они нагло вставали на задние лапы и мяукали, не боясь своих природньх врагов с мясноу стороны: чуть поодаль разлеглись барбосы. Милена – добрая душа, ворчала, но подкидывала дивским псам то кусок выбракованной говяжьей печени, то свиную селезенку, а то перепадали им и хорошие кости.

– Ну, куда, куда! Ну и борзота! – Марийон шуганула наглого рыжего – она называла его Забиякой и в глубине души отдавала ему предпочтение среди других мяукающих попрошак. Судя по виду, жизнь у него была нелегкой: ухо надорвано, сломанный хвост неправильно сросся и образовывал чуть ли не прямой угол, один клык слегка торчал, видимо, челюсти тоже когда-то досталось. Но это нисколько не сбивало забиякиной наглости, стойкости и напора. Вот и сейчас в схватке с Беляшом за форелевый плавник он вышел победителем. А Черный и вовсе не рискнул подойти близко, ждал, чего еще перепадет.

Марийон посмотрела на свои покрасневшие руки и расстроено подумала, что мазь, купленная в парфюмерной лавке, совсем не справляется с обветренной и трескающейся от ветра и воды кожей. Лучше б в ветеринарку зашла за жирной мазью для коров, все эффекта больше. За этими мыслями она ловко вспорола брюшко очередноу рыбине и бросила потроха в таз под прилавком. Внезапно эмалированный тазик звякнул, как будто в него упало что-то тяжелое.

Тут же в душе у Марийон мелькнула надежда: однажды Теодору попалась внутри рыбины золотая сережка с вставками из маленьких изумрудов. Он тогда был очень доволен и отнес ее ювелиру, а на вырученные деньги заказал новую калитку в палисадник (сам был не очень рукодельным), да там еще и осталось посидеть с товарищами по рынку в пивном заведении, да отложить немного. Она быстро нагнулась к тазу и пошурудила рукой в рыбьей требухе. Промыла в воде нечто твердое, поднесла к глазам и тут же разочаровалась. Глупая рыбеха проглотила, видать, круглый камешек. Руке, державшей камень, потеплело. Марийон пригляделась: с виду простая круглая галька становилась как будто чуть прозрачной к центру. Ей даже показалось, что внутри переливаются слабые искорки.

– Смотри, что в рыбине нашла! – окрикнула она Миленку. Та с интересом посмотрела на камешек.

– Красивый?

– Вроде камень, да камень, – сказала та. – Здоровый, конечно, как эта бедолага только плавала с ним, во дуреха. Потом продолжила. – Пойдем сегодня на Цветочку? Там будут танцы, а неподалеку выставка породистых лошадей.

– Танцы-то я не против, тем более, что завтра у меня честно заработанный выходной. Но на кой нам эти лошади сдались? Или ты решила арабского скакуна на колбасу пустить?

– Эх ты, глупыха. Хорошо хоть у меня тямю хватит на двоих. Ты уж год как вдовушка. А я уже три недели как одинокая женщина. Соображаешь? А где породистые лошади, там и породистые... кто?

– Все поняла, не продолжай! – засмеялась Марийон, убирая чудной камень за пазуху. И тут же выжидающе оперлась о прилавок: в ее сторону направились первые покупатели.

Когда спустя пару часов Марийон укладывала Старой Розе в корзину последних окуньков под строгим взглядом Маркиза, Миленка снова взялась за свое.

– Ты смотри, какой сегодня день выдался торговый. Ну грех не отметить, а? Поплясать, развлекаться, посмеяться!

– Да погоди ты, сейчас.

Маркиз прикрыл окуней лапой, но не стал есть.

– Ты смотри, какой умный! Неужто не сожрет? – восхитилась наблюдавшая за этим делом Миленка.

– Какой там! – гордо сказала Роза. – Наш Маркиз все доставит товарищам, еще и проследит, чтоб всем поровну досталось.

– Ну что вы ходите-то каждый день с тяжелой корзиной этой. Давайте я с мальчишками договорюсь, они вам будут на дом приносить окуней. Делов-то! – Марийон посмотрела на старушку с сочувствием.

– А куда ж нам с Маркизкой-то ходить еще? У нас одно развлечение – до рынка и обратно. Тем более что Маркиз у меня тут вроде главного артиста циркового. Все его на рынке любят, угощают...

Марийон обратила внимание, что возле ее прилавка стоит хорошо одетый молодой человек, явно не из прислуги и не из местных работяг. Она попыталась проследить за его взглядом, но так и не поняла, куда тот направлен.

– Добрый день! – выжидающе поздоровалась она. – Помочь определиться?

Мужчина не двинул бровью. Марийон помахала перед его носом закрытой устрицей:

– Может быть, морские деликатесы к ужину желаете выбрать?

Вдруг бледное лицо посетителя вздрогнуло, и он как будто вышел из оцепенения. Растерянно оглядевшись, он сообразил, что от него требуется ответ, затем ткнул пальцем в первую попавшуюся рыбину. И, забрав покупку, медленно удалился в сторону причала. Впрочем, за год работы на рынке, Марийон видала людей и более странных.

– Оу, кого я вижу! – за спиной раздался знакомый голос. – Да это же самые красивые девушки нашего города! Продают жизненно важную продукцию, как пчелки, работают на благо жителей этого славного местечка!

Марийон не нужно было оборачиваться, чтобы узнать по голосу и характерной манере речи Берто Вернона, сына и по совместительству правую руку Йогана Вернона. Старший Вернон был управляющим Дивским рынком, а также занимался другой коммерческой деятельностью в городе и даже за его пределами. Все знали его как старика со скверным характером, не самыми обходительными манерами, но с фантастическим чутьем на выгоду. Берто же взял от отца только самое лучшее, он был столь же холен и обаятелен, как деятельен и проворен. Один из самых знаменитых холостяков Дивска, он успевал с удивительной легкостью вести дела своего отца. Только старожилы рынка еще помнили, как выглядел старый Вернон, но сам он уже давно предпочитал не покидать свой роскошный особняк с видом на Западное море.

У Берто же была и другая слава – слава успешного и весьма расчетливого разбивателя женских сердец. Уж не одна дивчанка проплакала все глаза, поддавшись на сладкие речи этого красивого молодого человека. Ходили слухи, что одна девушка из богатой семьи даже руки на себя наложить пыталась, то ли от неразделенной любви, то ли от бесчестья, причиненного молодым Верноном, то ли уж из ревности. Опять же, местные кумушки так и не вычислили, кто именно: то ли девица Прист-Гловеров, то ли юная маркиза Керуази, когда была проездом, то ли вообще племянница самого мэра.

Поэтому, когда Берто в очередной раз влюбленными глазами глядел, то на Миленку, то на Марийон: обе только хихикали, но не поддавались на эти магические чары, какими бы привлекательными они ни были.

– Ох, Милена, ну царица! Красный платок на твоей очаровательной шейке – ни одна маркиза, ни одна графиня даже близко не стояли! Уж мне поверь, – без малейшей капли брезгливости он прикоснулся губами к миленкиной руке, недавно срезавшей мякоть со свиной кости. Это движение выглядело так естественно, как будто перед ним, действительно стояла настоящая придворная дама, а не продавщица мяса в испачканном фартуке. И без того хорошенькая Милена сразу зарделась и заулыбалась.

– Мари, как всегда прекрасна! Глаза, как воды нашего Западного моря! То серые, то зеленые, чисто турмалин. – и Марийон не осталась без комплимента, но руку поцеловать не позволила, постеснялась ввевшегося рыбного запаха, да чешуи.

– А зря! Такие прекрасные ручки ничем не испортишь.

– Берто, а ты чего пришел-то? Надеюсь, стоимость аренды не поднялась? – обеспокоилась Миленка.

– Да просто так, красавицы. Просто так. Посмотреть, все ли в порядке у вас, на месте ли все. Теперь побегу дальше.

И помахав молодым женщинам рукой, легко умчался дальше, ежеминутно останавливаясь, то у ларька, то у прилавка, перекидываясь парой слов то с одним, то с другим торговцем.

– Эх, – вздохнула Миленка, – умасленно глядя ему вслед. – Вот за такого бы, да замуж...

– Не нашего это поля ягодка, – спустила ее с небес на землю Мари. – Да и потом, разве ж этот остановится когда-нибудь на одной? Всю жизнь перебирать будет.

– Ну погоди. А как же любовь? Любовь всех исправит. – Недаром у Миленки под прилавком всегда лежал свеженький роман о большой и чистой любви. Сегодня, как заметила Марийон, это было сочинение известной в народе романессы Дарины Ловари «Узы страсти», на обложке которого были изображены полуобнаженные мужчина и женщина, сжимающие друг друга в жарких объятиях.

– Давай-ка лучше, подружка, убирать товар, да мыть прилавки. Закончим пораньше. А то ж еще помыться, отдохнуть немного, да плясать весь вечер! – подмигнула Марийон Миленке.

Та издала торжествующее «уииииии» и торопливо засобиравалась.

По дороге домой Мари заглянула к ветеринару. На рынке она слыхала, что прошлый дивский ветеринар с женой переехали южнее, в Ризоты, продав лавку преемнику помоложе. Ветеринарная лавка представляла собой два или три манипуляционных кабинета, и непосредственно прилавок со всякими снадобьями. Животных у Марийон не было, но она иногда заходила сюда за мазью, которая использовалась доярками для смазывания коровьего вымени, чтобы избежать растрескивания и огрубления нежной кожи буренок. Путем пробы всевозможных косметических средств, мазей, аптечных кремов, разного рода масел и даже некоторых продуктов вроде сливочного масла и сметаны, Марийон все же не нашла лучшего средства для своих многотрадных рук.

Дверь была открыта, но внутри царил тишина. Марийон углядела небольшой колокольчик на стойке со счетами и легонько трянула им. Спустя пару секунд из-за двери с надписью

«Операционная» выглянул интеллигентного вида молодой человек с руками в окровавленных перчатках и попросил чуть подождать, пока он закончит операцию.

– Дело в том, что помощница моя отпросилась сегодня, так бы она отпустила вам мазь. А я пока весьма занят. Оперировать. – Он почему-то смущенно покраснел. – Но если вы обождете минут с десять, я продам вам мазь с превеликим удовольствием! Не знал, что у мадам есть корова!

Марийон посмотрела на свои руки и тоже смутилась.

– Да мне не то, чтобы для коровы. Мне, в общем, для себя. Для рук. Но вы не беспокойтесь. Я лучше завтра зайду.

– Конечно, конечно. Всего доброго!

Из операционной послышалось слабое поскуливание. Марийон мысленно пожалела бедную собачку и искренне пожелала ей благополучной операции.

На выходе из лавки обратила внимание на новенькую табличку, сообщавшую: «Д-р Октус Грайв Германн. Ветеринарный врач».

Было еще только начало четвертого, когда Марийон быстрым шагом подошла к своему дому со стороны садовой калитки. Она достала из кармашка ключик, отперла калитку, но не стала открывать, а просунула руку в щель под низом и сняла еще дополнительный защитный крючок. Открыла калитку, перешагнула через две ловушки на росомах, замаскированные листвою. В Дивске росомах никто отродясь не видел, Марийон не особо даже представляла, как эти росомахи выглядят. Но ловушки, в свою очередь, выглядели внушительно и добротны, каждая из них представляла из себя ряд капканов на неширокой доске. Марийон считала, что безопасность лишней не бывает, поэтому капканы на росомах ей пришлось по душе.

Впрочем, Марийон жила в спокойном квартале Дивска, среди ее соседей были зажиточные торговцы, уважаемые ремесленники, и даже начальник местной тюрьмы. У некоторых были не просто домики, а настоящие особняки с двумя или даже тремя этажами. Домик торговца рыбой Теодора был скромным, одноэтажным, зато с большим чердаком и просторной верандой. Но после переезда из нищего барака в Чемерицах, для Марийон он казался чуть ли не королевским дворцом.

Она закрыла калитку в обратном порядке, держа дистанцию от ловушек, чтобы ненароком не попасться самой. И очутилась внутри любимого садика, цветущего и благоухающего, как и полагается цветникам в начале сентября.

Марийон обожала свой домик и небольшой двор при нем. Она села на невысокую скамеечку и пару минут любовалась пышно цветущими астрами, неувядающими и бесконечно родными ее душе анютиными глазками, бархатцами, ноготками и другими незамысловатыми, но такими прекрасными цветами.

Женщина блаженно вдохнула аромат цветника, отщипнула отцветшую астру и бросила в бочонок с компостом. По узкой дорожке она обогнула свой домик и открыла дверь веранды большим ключом, затем прошла внутрь и открыла дверь в дом ключом поменьше. Пошарив под резной балкой, достала еще один пузатенький ключик и открыла дополнительный хитрый замок. Старый Теодор никогда не жалел денег на безопасность своего дома, и после его смерти Марийон переняла это свойство с большим удовольствием. Она любила посмотреть новинки защитных механизмов и охранных устройств в скобяных и хозяйственных магазинчиках города, и частенько что-то покупала в свой дом.

Дома она первым делом разулась и пробежала на кухню, чтобы поставить на газовую плиту чайник с водой. В большой комнате растопила пару поленьев в камине. Домик торговцев рыбой пользовался всеми прелестями городского благоустройства, но Марийон любила баловать себя ощущением теплого очага, тем более отопления в ближайшие две недели подавать не собирались.

Затем она набрала себе большой таз горячей воды и поспешила сбросить пропахшую рыбой одежду. Вместе с одеждой на пол упал и припрятанный камушек. Марийон подняла его и поднесла к свету. После нахождения за пазухой камень как будто вобрал в себя ее тепло и даже приобрел слегка розовый оттенок.

У Марийон была небольшая коллекция минералов в бархатном мешочке, среди которых был большой сердолик, кусок нефрита, тигровый глаз, выпавший из защитного амулета Теодора, круглый и совершенно прозрачный горный хрусталь и даже маленький кубик из болотно-зеленого змеевика, который когда-то имел застежку и служил ей сережкой, пока парная серьга не потерялась где-то в саду. Она сунула «форелевый» камушек в мешочек, подумав показать его, как будет время, местному ювелиру или хотя бы Джде Перекупщику, который находил и скупал всякое барахло за бесценок, и перепродавал это за чуть меньший бесценок в одном из уголков рынка.

После водных процедур и перекуса, время позволяло Марийон еще поспать часик-полтора, и она с удовольствием растянулась на большой двуспальной кровати. Сон пришел мгновенно, какую-то секунду Марийон еще слышала что-то похожее на шуршащую в углу мышь, но даже не успела удивиться этому факту, а просто провалилась в мягкую темноту.

Глава 2. Никаких аристократов. Никакой рыбы. Никаких мышей!

Марийон стояла посреди полутемного сырого помещения, ноги и руки были опутаны рыбной сетью.

С потолка капала вода. Вокруг нее толпились рыбы разных размеров и мастей. Чуть поодаль стояла высокая трибуна, какие бывают обычно в судебных заседаниях. За трибуной восседал огромный уродливый осьминог в судейском парике и криво надетом кружевном жабо. В каждом из щупалец он держал по молоточку. За стойкой напротив крупный карп шумно сморкался в носовой платок:

– И вот, два месяца назад она продавала моих детей в стеклянных банках, на этом ужасном рынке! Заживо, вы понимаете, заживо!

По рыбной аудитории прокатились возгласы ужаса, рыбы зашумели. Осьминог застучал молоточками.

– У меня никого не осталось, никогошеньки больше! Она всех нас ненавидит, всех!

Какая-то рыбина из зала истошно завывала:

– Убийиийица! Скольких наших детей она засолила и продавала литрами, литрами! Казнить ее! Они едят бутерброды с нашими детьми!

– Вы посмотрите на эту мерзкую рожу! Смотреть противно! – закричала камбала, скосив глаза.

Осьминог постучал одним молотком:

– Прошу порядка! – поучительно произнес он. – Рожа у нее, действительно, препротивная, но к делу это отношения не имеет.

Марийон не могла пошевелиться и смотрела на происходящее в ужасе. К ней пришло понимание, что это сон.

– Марийон, я прошу тебя, проснись, проснись, пошевелись! – говорила она себе. Но сети крепко сжимали ее конечности, а кислорода становилось все меньше. – Проснись, Марийка, проснись, проснись, проснись..

Молодой окунь, видимо, секретарь заседания пропищал:

– Переходим к оглашению приговора!

Проснись, Марийон, проснись!

Судья:

– Заслушав лишь малую часть показаний, суду уже понятно, что вести дальнейшее заседание бессмысленно. Суд постановляет: приговорить Марийон Эдо, торговку рыбой и прочими видами морских и речных обитателей, к смертной казни путем проглатывания дара. Приговор привести в исполнение незамедлительно.

Аудитория зашумела, загудела, заулюлюкала.

– Дар! – выкрикивали они со своих мест. – Выносите дар! ДАР! ДАР! ДАР!

Марийон, проснись немедленно!

Две форели, поблескивая серебристой чешуей, вынесли на серебряном блюде гладкий серый камень размером с небольшое куриное яйцо.

Судья-осьминог положил молоточки, взял щупальцем камень и поплыл к Марийон. Рыбы вокруг создавали все более плотное кольцо.

Двумя щупальцами он стал открывать Марийон рот, а третьим с усилием заталкивать камень.

Марийон не могла отвернуться, вдруг ее накрыл настоящий ужас от того, что она не сможет проснуться сама, она умрет в этом ужасном сне, самой нелепой смертью.. Тело ее горело, челюсти ломило, к горлу подкатила тошнота.

– Примиии наш даааааррррр... ДАР! ДАР! ДАР!

Марийон попрощалась с жизнью.

– МА-РИЙ-ОН.

Услышала она свое имя.

– МА-РИЙ-ОН.

Дробно и отрывисто, по слогам.

– МА-РИЙ-ОН.

Женский голос был отдаленно знаком.

Марийон открыла глаза. Лицо горело, тело затекло, а руки двигались с трудом. Она в ужасе села на кровать и стала озираться по сторонам. В доме, кроме нее, никого не было. Через минуту зазвенел молоточками будильник, который она завела, чтобы не проспать вечерние танцы.

Спустя примерно полчаса колокольчик от парадных ворот весело затренькал. Марийон, которая почти завершила приготовления, поспешила открыть.

– Вот поэтому мне маменька всегда и говорила не ложиться спать на закат, когда день переходит в вечер! Обязательно всякая дрянь наснится. Или ведьмин паралич одолеет, – поучала ее Миленка, развалившаяся в кресле. – Ты б поторопилась, а то всех породистых мужиков поразберут.

– Кто о чем, а вшивый про баню! – поддела ее подруга. – Во-первых, всех не разберут. Во-вторых, не последний раз на танцы идем, я надеюсь. В-третьих, я уже все! А, духи!

Марийон покрутилась возле зеркала и осталась довольна тем, как зачесала свои пепельные волосы с капелькой специального парфюмированного масла, они струились идеально гладкой волной. Сзади она прикрепила аккуратный серебристый бант. Глаза, в сумерках ставшие серо-зелеными, тоже ради такого случая эффектно подвела угольно черным каялом. Немного пудры и капелька освежающих румян, новая юбка, шерстяные чулки, блуза и теплый жакет на ладной фигурке, янтарные серьги в ушах – кто скажет, что это простая торговка рыбой с местного рынка?

– Ох, мааать! – не то паясничала, не то серьезно восхищалась Миленка. – Ну, в самое сердце ранила! Кому ж такая красота-то достанется. Хороша, хороша. Может быть, даже слишком! – сделала она слегка надутый вид.

– Эй, подруга! – сказала Марийон. – Тебе я точно не конкурентка. Из-за твоего огромного банта меня никто и не заметит, я буду все время в его тени.

По размеру банта на светлых локонах Миленки Марийон определяла серьезность ее намерений и боевой настрой. Нынешний огромный атласный голубой бант выглядел так, как будто Миленка намеревалась захватить в очаровательный плен как минимум мэра Дивска.

– На то и расчет, – подмигнула Миленка. И тоже покрутилась у зеркала. Аппетитная и яркая блондинка, жизнелюбивая хохотушка, она безраздельно владела своей армией поклонников из местных мужчин с дивского рынка и парочки ремесленников. Но, как и многие женщины, мечтала обзавестись покровителем посolidнее, чтобы навсегда покинуть мясной прилавок, забрав с собой в свое будущее поместье всех своих верных барбосов.

Марийон поглядела на свои ботинки, вздохнула. Вынула из шкафа пару новых лакированных ботильонов, обулась. Вместе с Миленкой они вышли из дома, Мари проделала все манипуляции с закрыванием замков, заставив подругу отвернуться. Когда они уже подходили к воротам, то резко остановилась, выругалась и пошла назад переобуваться.

– Я не смогу в них танцевать! Они не разношены. И они скрипят! – оправдалась она.

– Ой, ну и иди в старых. Мне же лучше! Я буду лучше выглядеть на твоём фоне, – фыркнула Милена. – Только закрывай там свои калитки поскорее.

– Слушай, у меня дома, какие-то мыши завелись. Нужно мышеловку что ли купить... Я зашла, шуршат. Уже не в первый раз.

– Так у тебя эти мышеловки каждый день возле прилавка крутятся. Возьми одного домой. Мыши их запах вообще не переносят.

У Марийон было такое чувство, что этим вечером весь Дивск собирался быть на Цветочной площади. В одном направлении с ними шли веселые пары и компании нарядно одетых людей, их обгоняли экипажи и даже несколько автомобилей. Автомобили в Дивске были атрибутом роскоши, и их владельцев можно было пересчитать по пальцам, среди них был и Берто Вернон, у которого был даже собственный небольшой парк из трех авто.

Встречные мужчины оглядывались на пару красивых молодых женщин, некоторые позволяли себе присвистнуть или отпустить сальный комментарий. Бойкая Милена их быстро отбрасывала, Марийон старалась побыстрее пройти мимо самой и увести подругу, у нее нужные слова находились обычно с запозданием.

До Цветочной площади было минут пятнадцать размеренного шага от дома Марийон. Когда они подошли, народу уже было порядком, и люди продолжали приходить. Первосентябрьские танцы были официальным мероприятием Дивска, финансируемым из бюджета мэрии. Бессменный мэр Дивска Эдмон Годарик заканчивал свою традиционную речь, а музыканты Большого городского оркестра настраивали инструменты. На местах для важных персон сидели жена и дочери Годарика, особо почитаемые и весьма обеспеченные горожане, в числе которых были заместитель мэра, начальник полиции с супругой, главный врач дивской больницы, а также настоятель Дивского Единобожного монастыря Архиепифей.

Лишь только мэр Годарик объявил вечер танцев открытым и дал отмашку дирижеру, оркестр принялся усердно играть самые популярные танцевальные мелодии.

– Смотри, смотри, Марийка, – Милена пихнула в бок подругу, – смотри, как вырядились мэровы девицы с подружками. – За простых хотят сказаться! До чего нелепо некоторые поодевались! – она захихикала.

Действительно, современная мода среди местной молодой аристократии диктовала им выглядеть подобно работницам из ремесленного и торгового сословий. Поэтому они надевали шерстяные чулки вместо тонких шелковых, горой лежавших в ящиках, шили юбки из простых материалов, вместо миниатюрных шляпок прикалывали к волосам банты. Некоторые девушки перестарались и нарядились в цветастые платки, которые вызвали у Миленки припадок хохота.

– Ой, не могу! Да такое старье даже моя бабка не надела бы! Умора! Еще б в ковры позавернулись!

– Ты на Эсму погляди! – показала на мэрову дочь Марийон. – Настоящая красавица, как королевщина выглядит, ее хоть как выряди.

С этим Миленке было не поспорить. Эсма Годарик действительно обладала изящной фигуркой, выразительными голубыми глазами и угольно-черными блестящими локонами, что делало ее первой красавицей Дивска. Даже деланая простота ее не портила, девушка ловко подобрала свой наряд, выбрав цвета, подчеркивающие белизну кожи и пронзительно голубой цвет глаз. Мэр Годарик невероятно гордился дочерью, но Эсма была его любимицей, его бриллиантом. Даже сейчас он то и дело с гордостью поглядывал на дочь. Любимой темой местных дам было предполагать, за кого же выдадут замуж Эсму – не иначе как за графа или столичного князя. Даже Берто Вернон был недостаточно именит для такой невесты, хотя, как известно, он и не думал унывать по этому поводу.

Судя по тому, что площадь стала пополняться большим количеством мужчин всех сословий, выставка лошадей неподалеку завершилась. У Миленки загорелись глаза. Мари потянула подругу за локоть:

– Милен, давай перекусим чего-то? Я давненько ела. – Милену уговаривать долго не было нужды.

По случаю танцев на площади развернулись небольшие передвижные ларьки, украшенные разноцветными фонариками и флажками, в которых продавалась разная еда: сосиски в булках, печеная картошка с разными соусами, небольшие шашлычки на деревянных шпажках, горячая кукуруза, соленые крендельки, орешки со сгущенкой, сладкая вата и многие другие вкусности. У ларьков уже выстроились очереди, и девушки встали в одну из них.

– Добрый вечер, красавицы! – Берто Вернон как всегда возник из ниоткуда.

– Ох, Берто, ну и напугал! – воскликнула Миленка.

– Простите, не хотел, – приложил руку к груди Берто. – Мы просто стоим в соседней очереди, за напитками. Кстати, позвольте вам представить моего приятеля, – он указал на стоящего рядом мужчину. Марийон посмотрела на мужчину так долго, насколько позволяло приличие, но чтобы он не подумал, что она чрезмерно интересуется. – Серафим Орловский.

Последний коротко и сухо вато поклонился.

Марийон он показался каким-то усредненным. Среднего возраста, среднего роста, не особо примечательный, на первый взгляд, но весьма хорошо одетый. «Лет за 35. Ну и дали же родители имечко», – прикинула Марийон. «Кольца на безымянном не носит», – прикинула Миленка.

– Это мои подруги, считай, деловые партнеры Миленка и Марийон! – девушки улыбнулись. – А если мы с вами, дамы, поменяемся парами, то можем побыстрее купить и еду, и напитки. За мой счет, кстати.

Тут он ловко вытолкнул своего приятеля в очередь к Мари, а Миленке элегантно подал руку. Марийон, конечно, не была поклонницей Берто, но такое явное предпочтение подруги ее слегка задело.

Она искоса посмотрела на своего нового напарника, тот стоял молча и не утруждал себя попытками завести разговор. Берто с Миленкой, тем временем, оживленно болтали обо всем подряд и с интересом обсуждали записанный на меловой доске ассортимент слабоалкогольного пива, кваса, чая – более крепкие напитки распивать на танцах запрещалось.

Марийон стала рассматривать народ на площади. Взгляд ее наткнулся на прямую фигуру, которая на фоне танцующих, притопывающих, прогуливающих людей выделялась своей неподвижностью. Мари узнала в этом человеке недавнего странноватого посетителя своей рыбной лавки. Молодой человек был также бледен и как будто все время вглядывался в толпу, ища кого-то глазами. Наконец, взгляд его остановился. Он смотрел прямоком на Эсму Годарик. Смотрел взглядом тяжелым и неприятно подобострастным. Дочь мэра стояла в центре свиты из молодых девиц и поклонников, и, грациозно выставляя ножку, показывала им новое разученное танцевальное движение. Молодой аристократ вел наблюдение за Эсмой, а Марийон наблюдала за ним и чувствовала, что за фанатичным взглядом первого, скрывается нечто иное, чем любовный интерес.

– Что вам взять? – ворвался в ее мысли спутник. Оказалось, что очередь уже дошла до них, а Марийон еще и не сделала выбор.

– Эээ... – она стала искать глазами табличку с меню. Не нашла. И сказала навскидку то, что должно было быть в каждой лавке:

– Картофельные дольки!

На этих словах из окошка ларька высунулась очень полная женщина и гаркнула на всю (как показалось Марийон) площадь:

– КАРТОФЕЛЬНЫХ ДОЛЕК НЕТ! И НИКОГДА НЕ БЫЛО!

Мари насмотрела, наконец-таки, доску и быстро сказала:

– Куриные шашлычки! Два!

– Куриные ЗАКОНЧИЛИСЬ! Вот перед вами только что спрашивали!

– Тогда... Что у вас есть?!

– Всёёё. Всёё остальное есть. Что брать будем? Или будем стоять очередь задерживать? Мари стало совсем неловко. Сзади послышались недовольные возгласы ожидающих.

Ее спутник, замудренное имя которого Марийон уже и вовсе забыла, с восхитительной стойкостью хранил молчание. Хотя на долю секунду ей показалось, что он раздраженно поднял глаза к небу.

– Хорошо! Фисташки. И пойдете уже отсюда, я вас умоляю.

Тут он учтиво улыбнулся продавщице и попросил ее подать ЕЩЕ две порции картошки, запеченной в фольге и, ЕЩЕ две порции сосисок с сыром.

Видимо, это то, что он заказал себе и Берто, пока Мари строила из себя наблюдательного детектива, рассматривающего подозрительных лиц на площади.

– Простите, господин... эээ...

– Сим. Я предпочитаю, когда меня называют Сим. Видите ли, имя Серафим оно слишком ангельское, что ли. А я, увы, далек от ангела, – в этот момент, Марийон могла поклясться, он взглянул на нее совершенно ангельским взглядом светлых, почти прозрачных глаз.

– Простите, Сим. Замечталась. Неловко вышло!

Это игривое и короткое имя и вовсе ему не шло, и у Мари даже язык не поворачивался его произнести столь легко, как должно было быть.

Они подошли к ожидавшим их с кружками светлого пива Берто и Миленке.

За перекусом Мари указала Берто на заинтересовавшего ее молодого человека, на что тот хитро подмигнул ей и ответил:

– О, мадам Веселую Вдовушку заинтересовала выгодная партия из квартала богачей?

– Да ну что ты, Берто, я совсем не о том. Просто, приходил сегодня ко мне в лавку, купил рыбу, вел себя странно.

– Ха, значит, это веселая вдовушка заинтересовала молодого Уго Веервалфа, иначе объяснить я не могу, что этот заносчивый сноб мог забыть на рынке в рыбной лавке. Сам себе он даже чай не наливает, насколько я знаю. Уж больно аристократичен. За покупками пошел на рынок! Хотел бы я на это посмотреть!

– Доедайте скорее и пойдете плясать! – встряла Миленка. – Пока «Счастливую Розетту» играют, ну, пойдете же, пойдете, заприплясывала она.

– Дамы, к сожалению, поплясать пока мы с вами не можем, нужно еще поздороваться кое-с кем. Но я уверен, что за сегодняшний вечер снова свидимся. Пойдем, Сим. – Мужчины отклонялись к миленкиной недолгой досаде, ведь она уже тащила Марийон в центр танцующих людей.

Отплясав с десятков песен, подруги с гудящими ногами нашли свободную скамейку и плюхнулись на нее отдышаться.

– Марийон! Знаешь, что мне Берто сказал? Про этого, про Серафима? Вот же имя дали человеку. Он его Симом называет.

– Ну все равно скажешь, зачем спрашиваешь?

– Это какая-то важная столичная шишка. Что-то вроде агента на службе у короля, понимаешь. Они с Берто и знакомы-то особо не были. Просто он у Вернонов остановился в доме на время, Берто его развлекает, знакомит со всеми. А для чего приехал неясно. Ясно, что не женат. Что имеет хорошее положение, наверное, не бедняк уж. А еще мне ясно, что вполне симпатичный. – При этом она пихнула подругу в бок.

Та поморщилась:

– А я так не считаю. Не в моем вкусе.

– В твоем вкусе только кровать двухспальную греть своим тощим тельцем да вставать в четыре утра и идти рыбу продавать, вот что в твоем вкусе! А я решила. Я своего не упущу. Хотя бы попытаюсь.

– Ты о чем?

– Не о чем. А о ком! – Миленка выразительно показала глазами в сторону, где крутился Берто.

Тут уж Марийон не удержалась и печально назвала подругу «дурехой», на что получила классическое «сама такая».

– Миленк, пойдем домой, а. Уж сил нет: ноги гудят, голова тяжелая.

– Нет, нет, нет! – заныла Миленка. – Только не сейчас. Мы с Берто договаривались увидеться еще. И она ревностно поглядела на Берто, который в поте лица представлял своего гостя, а с его слов приятеля, дочерям мэра и всем остальным сливкам дивской аристократии.

– Тогда я одна пойду домой, – сказала Мари. – Устала я.

– Ну, вот что ты за зануда такая, устала да устала. Слушай, как ты думаешь, нравится она ему?

– Кто? Кому нравится? – уже раздражалась Мари.

– Ну Эсма Берто нравится?

– Эсма всем нравится.

Миленка погрузилась.

– Но ты все равно лучше! А я домой!

– погоди, уже темень такая, – сказала Миленка, – давай я попрошу Берто и он устроит, чтоб тебя его приятель проводил. Заодно поболтаете, может, разговоритесь. Ты смотри, девицы-то перед ним распушили хвосты! Приезжий, как никак.

– Не, не, не! – протестовала Мари. Но Миленка уже побежала договариваться с Берто.

Марийон пошла следом, чтобы сообщить, что провожать ее без надобности. Она почти пробралась сквозь плотный ряд танцующих, увидела, как Миленка отошла от Берто, коротко с ним поговорив, и стояла возле лавки с сувенирными побрякушками. От Берто с Симом Марийон отделяла тонкая тканевая стенка палатки с напитками, и она невольно услышала ровный голос Серафима:

– Ну, как ты себе это представляешь, Берто? Я обещал дочери мэра сопроводить ее в прогулке по площади в столь поздний час и вдруг брошу, ради того, чтобы довести до дома продавщицу рыбой? Нет, мадам, конечно же, мила и все такое. Но, если тебе уж не терпится закрутить с ее подружкой, не обязательно использовать других!

Кровь прилила к ушам Марийон. То ли от злости, то ли от досады на себя за то, что позволила себе оказаться в этой ситуации, она быстро приблизилась к мужчинам и выпалила:

– О, простите, что вмешиваюсь. Я как раз хотела сказать, что меня совершенно не нужно провожать. Я в этом вовсе не нуждаюсь. Безопаснее этого квартала и этого города для меня быть ничего не может. Можете не волноваться, уважаемый Серафим. Дочери мэра защита гораздо нужнее, уж поверьте. Берто, – она поймала взгляд молодого человека – прошу не обижать Миленку, хорошо? Спасибо за ужин! И всего хорошего!

– Мари! – Берто протянул к ней руку в бесполезной попытке остановить.

Та решительными шагами стала удаляться. Потом резко обернулась – мужчины сконфуженно смотрели ей вслед:

– И кстати, – уж и вовсе некультурно она ткнула пальцем в Серафима. – Вам совсем не идет.

– Что? – озадаченно спросил он.

– Сим. Сим вам совсем не идет. – И она снова развернулась и ушла с гордо поднятой головой и пылающими ушами.

«Господи Единобог, зачем я вот это вот последнее сказала?»

Дорога домой помогла ей успокоиться. Ночь была прохладной, поэтому приходилось поддерживать быстрый темп ходьбы. Марийон случайно спугнула обнимающуюся парочку и пропустила еще быстрее.

Наконец, показался ее родной домик, рожки крупного месяца, казалось, сидели на самой его крыше. От заборчика соседского дома отделилась тень. Марийон отшатнулась от внезапного испуга, но затем немного успокоилась. В человеке, который вышел к ней на встречу, она узнала Цугенка. Тот был как всегда краснонос, и как всегда не особо приятен.

– Что тебе, Цугенок? Моя лавка давно закрыта.

– Марийон... – с придыханием сказал он, подозрительно сокращая дистанцию. Мари почувствовала явный запах алкоголя. – А я вот тебя тут жду. Вот. – Он сунул ей в руки букет цветов, подозрительно напоминающих ноготки с соседской клумбы. Один цветок был вырван с корнем и с него сыпалась земля. – Марийон, я поздороваться к тебе пришел.

– Ну привет, и шагай теперь домой, спать.

– А вот не-пай-дууу, – паясничая, протянул он. – Ну что ты, дурочка, бегаешь. Мужика-то давно небось не было. Нормааального такого. Зови домой. Покажу тебе настоящего-то мужика. Ты со своим старым хрычем и не узнала-то небось, а, какого это? – Он взял ее за локоть.

– Ты руки-то убери! Руки убери. – Мари занервничала не на шутку, и стала убирать противные цугенковские лапы от себя, но он не унимался, а скорее, наоборот.

– Да ну что ты ломаешься, все барыню строишь из себя, аристократию, да с вами бабами церемониться... Иди-ка сюда.. Девочка такая пропадает. – И он стал прижимать ее всем своим телом к забору.

– Слышь! Ты б от девушки отошел! А! – сначала раздался громкий мужской голос, а затем послышалось угрожающее собачье рычание.

Цугенок отскочил от Марийон пулей. Та ни жива ни мертва стояла возле заборчика, хватая воздух. В своем спасителе она узнала молодого доктора из ветеринарной лавки. При свете луны он выглядел более высоким, на лице было самое решительное выражение. За ошейник он держал рычащую собаку средних размеров.

– Собаки не любят пьяных, – пояснил доктор.

– Ты кто такой? – Цугенок как будто протрезвел в одно мгновенье.

– Тебе сейчас Тоби объяснит! – доктор ослабил хватку и Тоби рванул вперед, эффектно клацнув зубами.

Цугенку это клацанье не понравилось.

– Твоя что ль баба? Так и скажи, – он примиряюще поднял руки вверх, и пошатываясь пошел в сторону Цветочной площади.

Марийон с благодарностью посмотрела на доктора. Тот сказал ободряюще:

– Все хорошо. Мы с Тоби вас проводим. Очень вовремя этот парень попросился на выгул. – Он потрепал по пушистой серой шубе пса, который выглядел уже совершенно дружелюбно и даже задорно махал хвостом, свернутым в колечко.

Марийон кивнула.

– Спасибо! Страшно подумать, что было бы, если б вы не появились.

Они вместе дошли до ее домика. Перед калиткой она снова поблагодарила доктора и из вежливости предложила зайти, но тот тактично отказался, сказав, что это не совсем уместно. За что Марийон поблагодарила его еще сильнее.

Дома она выглянула в окно и обнаружила, что человек и пес продолжают стоять возле ее дома. Она помахала им маленьким зажженным фонариком, чтобы показать, что она дома и все в порядке.

«Спасибо тебе, доктор Октус Грайв Германн. Спасибо тебе, Тоби», – мысленно сказала она. Как хорошо, что этот день закончился.

Сняв ботинки и верхнюю одежду, она мешком повалилась на кровать и снова провалилась в теплую засасывающую темноту.

«Больше никаких танцев. Никаких аристократов. Никакой рыбы. Никаких мышей», – думала сквозь сон Марийон.

В домике отчаянно шуршали мыши. Какие-то собаки душераздирающе выли и скреблись в чьи-то заборы. Через день за прилавком ее ждала рыба. И ее лучшая подруга связалась с аристократом.

Но сейчас это все было далеко от Марийон. Марийон спала.

Глава 3. Дневные купания в речке Чернушке

Марийон продрала глаза неприлично поздно – к половине десятого. Солнце уже светило во всю мощь. После сна в шерстяных чулках, юбке и блузе она ощущала себя совершенно не отдохнувшей.

Зевая и потягиваясь, она поплелась на кухню варить кофе. В голову пришла идея приготовить яблочный пирог и отнести в ветеринарную лавку для доктора и Тоби, в благодарность за вчерашнее спасение. Впервые за долгое время Мари поймала себя на мысли, что испытывает к кому-то настолько сильную и искреннюю признательность, и это чувство согревало.

Она позавтракала, после чего навела порядок в домике, оделась и вышла во дворик. Погода обещала быть великолепной весь день. Тут она собрала упавшие яблочки под яблоней, выполола разросшуюся крапиву, сгребла сухую листву. Полюбовалась на свой славный цветник и вернулась в дом ставить тесто.

Пока пирог выпекался, она привела себя в порядок с особенной тщательностью. Причесалась и слегка подрумянилась, стараясь, чтобы это не выглядело нарочито. Вспомнила, что хотела показать «форелевый» камешек ювелиру, и сунула его в сумку.

В ветеринарной лавке народу было немного. Марийон с разочарованием заметила, что доктора за прилавком нет. Клиентов обслуживала молодая девушка, рыженькая и с остреньким, но при этом весьма миленьким личиком. Марийон про себя окрестила ее «лисичкой».

– Что вам подать? – спросила она у Марийон.

– Мне вот эту мазь, пожалуйста, – Мари указала на баночку с мазью для буренок.

– 4 копейки, еще что-то?

– Подскажите, а доктор сегодня здесь?

– А вам зачем? – поинтересовалась «лисичка».

– Он вчера меня очень выручил, хотела еще раз поблагодарить.

Лисичка кивнула и пискляво крикнула:

– Доооок!

Из кабинета с надписью: «Приемный покой» выглянул Октус. Увидев Марийон, он приветливо улыбнулся:

– О, добрый день! Зашли за мазью?

– И это тоже, – Марийон улыбнулась в ответ. Док смотрел на нее добрыми карими глазами сквозь круглые стёклышки очков. От глаз уже начинали расходиться ярко выраженные лучики морщин, хотя, на первый взгляд, доктору было максимум лет тридцать. – Я принесла вам небольшое угощение в благодарность за вчерашний рыцарский поступок. А где Тоби? Он тоже заслужил кусочек.

– О, наш друг Тоби сегодня уже вернулся к хозяевам. Он был временно, я наблюдал за его состоянием здоровья. – Он задержал взгляд на своей помощнице и спросил с легкой тревогой:

– Табита, с тобой все в порядке?

Мари отвлеклась от созерцания доктора и тоже посмотрела на девушку. Та выглядела так, будто была вовсе не в порядке. Она покраснела, покрылась испариной и стала пятиться к двери приемного покоя, затем быстро поробормотала:

– Я на минутку! – и, нащаря рукой дверную ручку, также, не поворачиваясь спиной к Мари, спешно скрылась за дверью.

– С Табитой такое бывает, что-то не то съела, наверное, – не дожидаясь вопросов пояснил Док. – А вот за пирог спасибо. Я обожаю яблочные пироги, так что даже немного рад, что моему напарнику не достанется ни кусочка.

– А еще, – решила Мари – Меня зовут Марийон Эдо. А как вас зовут, я уже прочла. – За дверью приемного донесся шум и звуки какой-то возни и шума.

– Я не знаю откуда, но я тоже уже знал, что вы Марийон, – доктор покосился на дверь.
– Можно просто Мари.
– Можно просто Октус! – засмеялся док.
– Ладно, проведите свою помощницу. Все ли у нее хорошо. Всего доброго! – они очень мило распрощались и Марийон отправилась к ювелиру, в квартал Богачей.

Пешком идти было слишком долго, поэтому Мари подошла к пяточку, на котором обычно стояли извозчики, а иногда и таксомоторы, которые вызывали у Мари больше любопытства, чем практический интерес. Ездить на таксомоторах она считала пустым расточительством. Марийон села в небольшой легкий кабриолет, запряженный одной лошадкой, и указала извозчику адрес ювелирного магазинчика.

Чем ближе был квартал Богачей, тем роскошнее и вычурнее становилась архитектура вокруг. Шустрая лошадка домчала экипажик до нужного места минут за десять, а Мари с удовольствием бы сделала еще кружок, но практичность у девушки была не на последнем месте.

Рассчитавшись с извозчиком, она сошла на брусчатку и подошла к двери магазина. Уже одна табличка этого заведения могла считаться произведением искусства, украшенная завитками меди и серебрёными цветами, она торжественно провозглашала: «Магазин ювелирных изделий И. Ю. Фарети». Марийон даже немного замешкалась, раздумывая, достаточно ли респектабельно она выглядит для такого заведения, и не выгонят ли ее часом, как бедную простодушку из Ремесленного квартала. Но потом отогнала от себя эти дурные мысли и решила держаться с достоинством, по крайней мере у нее имелись кое-какие сбережения, на которые она могла приобрести простенькую вещицу здесь, а значит теоретически могла считаться потенциальной покупательницей. Итак, после секундного колебания она толкнула дверь. Тут же над ее головой мелодично динькнул колокольчик, оповещающий о приходе посетителя.

Марийон оказалась в прекрасном месте. По всему периметру немаленького магазина размещались стойки с подушечками, на которых сверкали, переливались и всячески манили ее кольца, ожерелья, серьги, цепочки, браслеты и прочие великолепные несомненно безумно дорогие вещи. Все подушечки были закрыты стеклянными колпаками, наверняка более прочными, чем казалось на первый взгляд.

Тут же к ней подошел безупречно одетый молодой человек и предложил свою помощь в выборе.

– А могу ли я увидеть господина Фарети? – поинтересовалась Мари.

– К сожалению, Мастер сейчас занят, – разочарованно сообщил продавец. – Но я уверен, что..

– Я уже освободился, проводи мадемуазель ко мне, – из закутка в конце магазина выглянул пожилой мужчина с седой бородкой и в пенсне. Он был хорошо, и даже щегольски одет в шёлковый жилет насыщенного изумрудного цвета поверх белоснежной рубахи, из нагрудного кармашка выглядывал ярко-желтый платок.

– Мадам, – поправила Марийон и последовала за молодым человеком в кабинет Фарети, находившийся в дальнем углу. Кабинет был весь завален всяческим барахлом. На стеллажах вдоль стен горой лежали не прекрасные ювелирные изделия, а куски руды, знакомые и незнакомые Марийон инструменты, обломки цепочек, фурнитура в коробочках, какие-то черепки. В углу стоял стол мастера с большой лампой, его кресло и пара стульев у стены, Фарети махнул рукой в сторону стульев, приглашая сесть.

– Итак, что привело такую очаровательную даму лично к старику Фарети? Хотите сделать индивидуальный заказ? Мне недавно поступила парочка потрясающих турмалинов-хамелеонов, если изготовить из них серьги в лаконичном дизайне, то вам не будет равных в этом городе. Я не хотел бы отдавать эти турмалины в другие руки, только обладательнице ваших глаз.

– Звучит очень заманчиво, но как-нибудь в другой раз, – Марийон прикинула в голове стоимость сережек, изготовленных самим мастером, пусть даже в серебряной оправе. – Про-

стите, господин Фарети, но я уже не уверена, не отниму ли я ваше время зря. Но я слышала, что вы слывете ценителем различных интересных штук и редких минералов, поэтому я бы хотела у вас проконсультироваться. Это не отнимет много времени.

– О, я встретил своего единомышленника? Вы что-то принесли и хотите показать мне, верно?

– Да, – Мари вынула форелевый камешек из сумки. – Вот этот камень я нашла внутри обыкновенной рыбины, мне он кажется необычным.

– Кхм, – кашлянул ювелир. – Однако, позвольте рассмотреть ближе. – Он вынул из ящика стола круглое стеклышко в деревянной окантовке и стал с помощью него осматривать камень.

Марийон была девушкой внимательной и от нее не ускользнуло, что руки Фарети при этом чуть заметно задрожали.

Однако он быстро овладел собой и вернул себе сначала равнодушный, а затем слегка огорченный вид:

– Мадам... ?

– Эдо. Марийон Эдо.

– Мадам Эдо, ваша находка безусловна любопытна. Потому что не каждый день мы находим в рыбьей требухе такие крупные камни, но, – он сделал упор на этом «но». – К моему большому сожалению, это всего лишь обыкновенная галька. Да, она более крупнопористая, чем та, что встречается на нашем побережье. Да, скорее всего, она прибыла к нам откуда-то из мест с гораздо более высокой тектонической активностью. Но. Этот камень не имеет особой ценности. Прошу прощения, если расстроил вас.

– Ну что вы, я ничуть не расстроена. Наоборот, благодарю вас за то, что уделили мне время. – Мари вернула камень в сумку. И поднялась со стула.

Фарети тоже поднялся:

– Какие пустяки, мне было весьма приятно с вами познакомиться. И все же я бы хотел купить у вас вашу находку. Уж больно интересная у нее история. Скажем, за пять рублей.

Пять рублей для обычного булыжника с побережья было уже невероятно высокой стоимостью. Но внутренний голос говорил Мари, что продавать камень не стоит. Ни за какие деньги.

– Это весьма щедрое предложение, но я откажусь, спасибо. – Марийон пошла к выходу.

– Ну Единобог с вами, десять рублей, согласны? – крикнул ей вслед ювелир.

Марийон обернулась и отрицательно покачала головой.

– Всего хорошего, господин Фарети.

Из магазина Марийон вышла совершенно уверенная в том, что в сумке у нее лежит не просто галька. Наверняка, это какой-то очень редкий и драгоценный камень, иначе зачем старому ювелиру нужно было ломать эту комедию: сначала попытаться обесценить ее находку, а затем попытаться купить ее за цену, преподнесенную как щедрое предложение. Марийон в искусстве торга тоже кое-что понимала, как и в близком к нему искусстве блефа.

Увлеченная этими рассуждениями, она практически наткнулась на пару, шедшую именно в тот самый магазин, который она только что покинула.

– Ох, простите! – Марийон отшатнулась в сторону. В паре она узнала никого иного как Серафима Орловского и Эсму Годарик.

По взгляду Серафима было очевидно, что он не ожидал увидеть здесь Марийон. Он проворчал скомканное «Прошу прощения», приподнял шляпу, а затем поспешил галантно распахнуть перед своей спутницей дверь в ювелирную лавку.

Мари услышала позади себя звонкий голосочек Эсмы:

– Какая неуклюжая, бедолажка!

«Бедолажка» Марийон от этой встречи впала в совершенное раздражение. Она злилась на напыщенного Орловского за вчерашнюю историю на танцах, и теперь он вновь послужил, хоть и невольно, источником неловкой ситуации для нее.

Мари решила выдохнуть и пройти пешком, тем более впереди виднелся живописный мост через небольшую речушку, протекавшую в черте Дивска. Да и квартал Богачей был красиво благоустроен славными скверами, небольшими фонтанами, местами отдыха со скамейками. Она направилась к мосту, и снова судьба преподнесла ей занятную встречу.

Опершись на белоснежную баллюстраду, у входа на мостик стоял бледный молодой господин, которого, как теперь уже знала Марийон, звали Уго Веервалфом.

Он стоял и сверлил взглядом дверь ювелирного магазинчика, в который только что зашла сладкая парочка «Орловский-Годарик». Внезапно молодой человек закрыл лицо руками, будто в припадке истерики, и стал судорожно сдирать белый воротничок с горла. Марийон подумала, что бедолага влюблен без памяти в мадемуазель Годарик, и ужасно страдает, видя ее в окружении других мужчин. «Какой впечатлительный юноша», – подумалось ей. Юноша тем временем рывками сорвал с себя сюртук и быстро перелез через баллюстрадку с явным намерением сделать шаг в речку Чернушку.

Марийон рванула к нему со всех ног и успела ухватить за полу сюртука в тот самый момент, когда Уго уже мешком валился головой вниз. Долю секунды Мари удавалось его удерживать, но худощавый, на первый взгляд, молодой человек весил явно больше нее. Спустя мгновение, Марийон с ужасом осознала, что падает с мостика вместе с Уго. Она переоценила свои силы и была весьма опрометчива в этом геройском порыве. Какой-то прохожий попытался ухватить ее со спины, но видно успел потрогать лишь пустоту. И вот уже в Чернушку летело два барахтающихся в воздухе тела.

Мари кувырком вошла в холодную воду. Дезориентированная, она пыталась нащупать ногами дно. Уго упал на мгновение раньше. Спустя секунду вода всколыхнулась третьим «бульком». К этому времени Мари уже обнаружила, что воды в Чернушке, ей чуть ниже груди, а сама она вполне себе жива. Тело же Уго лежало на воде лицом вниз и покачивалось, как поплавок. Марийон в ужасе застыла, но потом ей пришла мысль, что Уго можно еще оказать первую помощь, которой её учили на дополнительном курсе медицины в вечерней гимназии. Она размыто припоминала, что несчастному нужно было дышать в рот, и давить на грудную клетку. Но в каком порядке, сколько раз, с какой силой – на то у нее не имелось ни малейшего понятия.

«Так, – бормотала она себе под нос, – главное, вытащить его из воды. И себя». И она стала идти против течения к Уго, на которого как ни странно, это самое течение действия не имело.

– Он зацепился за что-то, – сказал невесть откуда взявшийся в Чернушке Серафим, а вероятнее всего, он и был третьим «бульком» сегодняшнего осеннего заплыва. Он с усилием шел, будучи по пояс в воде, позади Марийон. – Надо отцеплять!

– «Ннадо», – бормотнула Марийон и, добравшись до Уго первой, сунула руки в воду под ним и стала шарить, особо не понимая, что она ищет. Руки наткнулись на кусок ткани: вероятно брючина юноши разорвалась почти по всей длине обо что-то острое и затем за это зацепилась. Мари стала дергать за штанину, пытаясь ее оборвать, в воде это было сложно сделать. Несколько раз она зацепила рукой острые суки коряги, пока тело Уго не освободилось и не направилось по течению. Но тут его уже подхватил подоспевший Серафим. Он перевернул Уго лицом вверх и одной рукой потащил его на берег, а другой рукой с удивительной силой, неожиданной для его комплекции, повел к берегу Мари.

На берегу Серафим стал ритмично жать на грудь несчастного Уго, а затем зажав ему нос, вдыхать воздух в рот пострадавшего. Мари показалось, что он делает это бесконечно долго. Она стояла рядом, опустив руки, и не понимала, чем может помочь. Серафим с каким-то остервенением продолжал попытки, пока не выбился из сил.

– Я ему так грудную клетку сломаю... ну же, Уго, ну же! Черт, Черт, Черт! – выругался он в припадке бессилия. А потом просто сел рядом с телом и отвернулся в сторону.

Мари тоже присела к Уго. Она положила руки на его грудь в слабой надежде, что, может быть, у нее что-то получится. Она зажмурила глаза, открыла, опять зажмурила и стала представлять, как под действием ее рук вода из легких Уго собирается в один поток подобно тому, как воды ручьев стекаются в большие реки. Затем этот поток формируется в один прозрачный подвижный комок и вылетает из его горла. По кончикам пальцев пошло приятное тепло. Мари чуть надавила на грудную клетку Уго и отскочила в ужасе, когда изо рта молодого человека вырвался прозрачный ком и со смачным шлепком плюхнулся в Чернушку. В то же мгновение Уго закашлялся, захрипел, затем его вырвало остатками воды, и он, продолжая кашлять, сел, озираясь по сторонам.

Мари бессильно смотрела на свои исцарапанные ладони, пытаясь понять, что сейчас произошло. Серафим, который не видел как ей удалось вернуть Уго дыхание, вскочил на ноги, удивленный тем, что у нее вообще получилось это сделать.

Уго, наконец-то откашлявшись спросил:

– Что произошло? Я ничего не понимаю, кто вы такие.

Марийон не нашла в себе сил что-либо сказать.

– Мы, молодой человек, только что спасли вас от смерти через утопление. Я думаю, что это нам нужно у вас спросить, какая ситуация вынудила вас решиться на эту крайнюю, и надо сказать, совершенно неоправданную меру, – пояснил раздражающе назидательным тоном Сим. – Меня зовут Серафим Орловский, а эта самоотверженная женщина – мадам Марийон Эдо.

При этом Мари углядела краем глаза, как Серафим аккуратно вынул из внутреннего кармашка жилета некий фотоснимок, убедился, что тот не испорчен, и бережно спрятал на прежнее место. На снимке была запечатлена девушка, похожая на принцессу из восточной сказки: огромные темные глаза, умело и щедро подчеркнутые косметикой, маленький рот с капризно оттопыренной нижней губкой, густые волосы, уложенные в затейливую прическу. Голову девушки украшала диадема с восточными узорами. Марийон тут же сделала вывод, что это дама сердца Орловского, и мысленно осудила со всем возможным негодованием его прогулки по ювелирным магазинам с дочерью мэра.

Уго тем временем начал осознавать произошедшее с ним:

– Я вам очень благодарен, господин Орловский, и вам, мадам, но дело в том, что я сам не понимаю, что меня толкнуло на это. Такое ощущение, что у меня что-то происходит с головой в последнее время. Я или не понимаю некоторые свои поступки, или вовсе не помню. Я могу иногда выйти из дома, чтобы отправиться поиграть с друзьями в карточном клубе, а очутиться на берегу моря, да еще и с карманами, полными кусочков рафинада, или губной гармошкой, или вообще с мертвой рыбой подмышкой. И вот теперь вот это. О...

Он обнаружил, что у него недостает одной брючины и из получившейся дыры торчит голая худощавая нога с глубокой кровоточащей царапиной. Мари достала из сумочки промокший насквозь белый платок и помогла Уго перевязать царапину, чем ужасно смутила молодого человека.

– Что ж, – озадаченно произнес Серафим. – Я заверил свою спутницу, что отлучусь лишь на некоторое время. Однако боюсь, что она уже в ярости ушла из магазина, который мы намеревались посетить вместе. Это раз. Надеюсь, наши дневные купания не имели свидетелей, – и он осекся, чтобы посмотреть наверх, на мостик, не глазают ли на них любопытствующие прохожие.

Марийон тоже посмотрела: зевак не было заметно. Также никто не спешил на помощь с теплыми одеялами, аптечкой и горячим чаем.

Серафим продолжил:

– Тем более, я не могу показаться даме в таком плачевном виде, – Марийон даже не стала удивляться, что ее он за даму не посчитал. Сим без смущения выжимал рубашку и прыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха. – Это два. И вас обоих мне не позволяет милосердие оставить здесь. Это три. А посему прошу вас пройти за мной, неподалеку у меня припаркован автомобиль. Только прошу вас соблюдать осторожность и стараться не попадаться на глаза прохожим лишний раз.

Мари и Уго не спорили. Трясущиеся от холода, они покорно пошли за Серафимом, оставляя после себя мокрые следы.

Поднявшись к мостику, они перебежками добрались до ювелирного магазина: Эсмы там уже не было. А от магазина прошли чуть в сторону и повернули за угол, воровато оглядываясь по сторонам. Со стороны компания выглядела наверняка странновато и жалко, но, пока что им везло: прохожих было мало. Наконец, они достигли сверкающего на солнышке чуда современной техники – автомобиля. Марийон в жизни не сидела в подобных штуках и смотрела на кабриолет Серафима со смесью восхищения и ужаса.

Ужас ее усилился, когда она увидела отирающегося возле авто мальчугана лет тринадцати, в штанах на подтяжках и сером кепи. Это был ее неплохой знакомый, главный поставщик окуньков для Маркиза и компании, хулиганистый мальчуган из квартала Ремесленников, – Мирко. Заметив Марийон в мокром платье, с распущенными волосами, ибо заколку она потеряла где-то в водах Чернушки, и в компании двух мужчин, один из которых был лишь в одной брючине и буквально сверкал аристократически белой ногой, Мирко разинул рот так широко, что Мари показалось, что назад он его просто не сумеет захлопнуть.

Серафим оценил обстановку мгновенно. Вынув из внутреннего кармана сюртука десятикопеечную монету, он вложил ее Мирко в ладонку и серьезно сказал: – Вы нас тут, молодой человек, не видели. А если не только не проболтаетесь, но и сумеете пригодиться когда-нибудь, то в благодарность... – Мирко закрыл рот и смотрел на Серафима во все глаза. – то в благодарность научу вас управлять вот этим средством передвижения. Идет? – Мирко, ошарашенный своим небывалым везением, молча кивнул.

Серафим подмигнул ему с таким видом, будто они уже поделники в преступлении века, открыл дверцу своего четырехместного авто, усадил пассажиров на заднее сиденье. Затем поднял и закрепил темный кожаный капюшон кабриолета, спрятав последних от лишних глаз, и сел на водительское место. Через пару секунд мотор заревел, оглушив Марийон, и они помчались с головокружительной скоростью по кварталу Богачей.

Вскоре Серафим уверенно остановил авто чуть поодаль от огромных ворот красивого и, как показалось Марийон, весьма старинного особняка. Уго выразил обоим свою благодарность за спасение, при этом они уговорились между собой не распространяться о том, что произошло на Чернушке. И, крадучись, пошел вдоль ворот, намереваясь зайти со входа для прислуги. Мари обратила внимание на исполинские ворота: на створках красовался огромный кованый герб в виде волка, держащего в зубах меч. Глаза волка были выкрашены красной эмалью и выглядели зловеще. По слухам, семейство Веервалфов было одним из самых родовитых в Дивске, и очень этим кичилось. Особо пристально рассмотреть ворота не удалось: автомобиль снова рванул с места и помчал уже в квартал Ремесленников.

Глава 4. Маленькая паучья лапка

Марийон мечтала поскорее оказаться дома, переодеться в сухую одежду, растопить камин, и хорошенечко поесть. Серафим также не стал высаживать Мари возле самого дома, а остановил приметный кабриолет чуть поодаль, со стороны палисадника.

– Ну, что ж, – произнес он после недолгой паузы. – Пора сказать вам, что я очень сожалею о том, что произошло вчера вечером. Я не хотел вас оскорбить, и тем более обидеть. Поэтому приношу свои извинения за то, что вы стали свидетелем того, как я неуклюже выразился накануне.

– Все в порядке, – сказала Мари. – Забыли. – Хотя ничего-то она не забыла. – Вы были не обязаны, в конце концов. Скажите, а откуда вы так хорошо знаете Дивск? Вы ведь не спрашивали Уго, где он живет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.